

Душанбе, солнце, 20 градусов тепла в феврале, торгуют виноградом — не ежаки да?

— Помогите вам! — говорят мне Музафар Бурханов, народный артист республики, главный балетмейстер Таджикского оперного. — Помогите театру, — повторяет он восторженно. Он сейчас не о чем другом думать не может.

...За несколько дней до моего приезда случилась беда: во время репетиции нового балета «Поэма гор» на сцену из-под колосников рухнули всей своей многотонной тяжестью осветительные приборы. Чудом никто не пострадал. На следующем спектакле поставили на колосники электрорешетки — что опять что-нибудь не свалится. Пронесло. А потом пришла комиссия из запыленных из-за аварийного состояния. Академический театр оперы и балета остался без последней прозы.

Кровь первый и главный был утрачен еще три года назад, когда постановки на ремонт стаивали — театры бескомпромиссно вдали на центральной улице. Как нередко бывает, ремонт начали, а потом выяснили, что нет нужных материалов, — и тогда голый остои бывшего храма муз остался на полном безлюдье. Жители города даже стали забывать постепенно, где нелепа когда-то оперно-балетная жизнь. На колосник, как предсказало, два милиционера не смогли ответить совсем, а случайный прохожий объяснял так:

— Оперный театр? А, это же ресторан «Вахш». Вот за ним и увидите.

И уж совсем мало кто знает, где сегодня дает спектакли оставшаяся бездомная труппа. Рекламные стенды по этому поводу хранят молчание. Судя по афишам, все иловые посты культурной жизни заняты местной зоопарк. Присутствие тигра в городе ощущается на каждом шагу, о существовании оперы можно лишь догадываться.

15—20 человек в зале — это стало нормой. Жутковатое зрелище: идет огромный оперный спектакль с оркестром, солистами, хором, мимикой — а в зале 15—20 человек! Бывает и меньше — случалось, спектакли отменяли, так как никто не пришел их послушать.

Но ведь бывало и иначе. Еще несколько лет назад. На сцене театра блистали Малика Сабирова, выдающаяся балерина нашего времени, и ее партнер Музафар Бурханов и оперу и балет велики, шумела оживленная толпа у подножья — был праздник. Мастера театра знали далеко за пределами республики, как аплодировали в городах больших и в искусстве искусных: в Москве, Новосибирске, Свердловске, в Финляндии, в Японии, в странах Юго-Восточной Азии. Выступить с этой труппой в Душанбе считали для себя чести многие звезды советского балета — Н. Кургалкина, Н. Тимофеева, Е. Максимова...

Куда же делось? Почему республика, которая справедливо гордилась своим завоеванием в области культуры, внесшая огромный вклад в культурную жизнь всех стран, вдруг словно ослепла в театральном искусстве? Вот и в драматическом театре имени Лавути постоянные проблемы со зрительней, и в Молодежном. Известные музыканты, приезжая на гастроли, должны играть в зале филармонии порой перед десятком слушателей. Флагман душанбинских театров — оперный — оказался практически на улице. И центральная сцена недавно с горечью констатировала: город «нетрагедийный».

Все знает: театральная не рождалась. Способность понимать условность сцены надо в зрительях воспитывать. Парень, врывающийся из дальнего кишлака, нуждается в уюте, солнцелике, гледи, который даст бы ему в чин искусства, научит бы «читать» как пластику, музыку, танца. Без этой необходимой подготовки балетная бессловесность или оперный вокал вызывают у него веселое оживление, не более. Что нередко и происходит.

В городах «театральных» зритель воспринимает сама атмосфера театра — строгая, праздничная оживленность. Публика, являясь в Душанбе, еще не знает, что такое театр. Воспитывает публика, знающая и любящая театр, она диктует в зале свой стиль поведения, реакции, свой умелый восприятия. Воспитывает и востановит ошутливый ритм культурной жизни: афиши, сопровождающие тебя на улицах, газеты, отменяющие кажущее театральное или музыкальное событие, театры, которые стремятся заинтересовать людей, привлечь на анимации к предстоящим премьерам. Горожанин живет в насыщенной культурной среде, и она его активно формирует.

Но эта среда создается непременно общими усилиями — театров, прессо, радио и телевидения. Создается и создается тот престиж серьезного и высокого искусства, без которого оно зритель и от-

ступает под натиском более примитивных и потому легко доступных видов развлечения. Без этого престижа меняется и сам тип массового зрителя: публика становится склонной к ленивому, пассивному восприятию, и все, что непривычно, кажется ей чужим. Она перестает искусство уважать и ждет от него только потехи. Серьезный зритель оказывается как бы в чужаках.

Еще недавно в Душанбе все было как раз наоборот. В том, что он стал терять черты города «театрального», виновата, конечно, не публика. Виноваты те, что не научил подросшую за эти годы молодежь культуре чувств, хотя был обязан это сделать. Протоколами кривая художественной жизни таджикской столицы — тому свидетельство. За немногие десятилетия республика сделала мощный рынок из высот искусства и культуры, была сформирована сильная культурная традиция, создана среда, максимально благоприятная для развития разнообразнейших искусств. А потом на художественном фронте — вдруг неожиданное и обидное отступление Пауза.

Конечно, для этой паузы были свои причины, непредсказуемые, даже трагические. Умерла Малика Сабирова. Не стало балерины, которой гордился не только республика, но и все советское искусство. Но замещение ее традиции должны были развиваться.

В этот трудный для театра момент бы-

ло принято решение о ремонте. Не совсем своевременное, особенно если учесть, что и ремонтировать, как сказано, было нечем. Труппа покинула помещение на главной улице и стала обживать зал удаленного от центра Дворца профсоюзом. Пока опера репетировала на его малой приспособленной для спектаклей сцене, балет на другом конце города пытался поделить единственный репетиционный зал с ансамблем «Юнона». Дело о ремонте затягивалось, и артисты балета, лишённые постоянной возможности заниматься в своем классе, неизбежно утрачивали форму. Многие театр покинули. Число вакансий в штатном расписании увеличивалось, и тогда Министерство культуры республики решило эти «лирические» простоты ликвидировать. Сегодня ситуация сложилась по-иному, беспрецедентная: из-за хронической нехватки танцовщиков многие мужские партии вынуждены исполнять женщины...

Большую часть старого репертуара пришлось отложить до лучших времен — технические возможности клубной сцены не позволяли ставить сложные спектакли. Пришлось расстаться и с привычным репертуаром: оказалось теперь лишь по 12 спектаклей в месяц, при почти пустых залах — в городе не было необходимой информации о репертуаре, да и ездить в театр теперь было далековато. Постоянные зрители стали от оперы отходить, а актеры перестали ездить даже сами театры — неудобные, что культурная специфика резко упала. Можно ли было требовать от певцов и танцовщиков полной самоотдачи и творческого горения, если в темноте зала перед ними умело белели только спинки незатянутых кресел!

Все это вошло в привычку, стало нормой.

Три года существования в подобных условиях — опасное испытание для любой, даже самой давней и прочной театральной традиции. В Таджикистане, как уже сказано, эта традиция только нарождалась, она стремительно вымывалась вверх и... оказалась подсеченной на излете. Искусство оперы и балета, которое существовало уже и в былые, и «преступные» годы, вдруг очутилось в положении песника. И

былая театральная атмосфера развевалась, как греза.

Надо понять, что такое три года не только для театра, но и для города. Это достаточный срок для того, чтобы вошло в сознательную жизнь целое поколение молодых людей, не подорвавших о существовании такого искусства, как музыкальный театр. Не обладающих навыками общения с ним. Случайно попав на спектакль, они весело хихикают над костюмами балерины. Балет кажется им диким, аполлоном, выполняющим по недоразумению откуды-то из глубины веков. Да и как иначе: в том же Дворце профсоюзом десятки кружков предлагают занятия эстрадным танцем, танцем «современными» и «бытовыми». Тут учены интерес любителей эсперанто и натуков. Тут во всех фойе десятки молодых людей гнутся в азорбике под звуки модных мелодий. Но нет ни оперной, ни балетной, ни симфонической

никого больше не интересует академический театр, бывшая гордость республики.

Без сцены, без репетиционных залов, без гастролей и без зрителей — но театр, однако, живет и даже выпускает премьеры. Еще к празднованию 60-летия Советского Таджикистана подготовил главный балетмейстер Музафар Бурханов спектакль «Поэма гор», рассказывающий о трех поколениях таджикских женщин, пришедших к новой жизни. Несколько месяцев ждали артисты премьеры, но показывать спектакль негде. И драхле декорации не увидевшие света, и расчет премьерного воле, и опускаются руки у энтузиастов и стойкое ощущение обидной неминуемости становится для артистов привычным.

Сейчас вопрос стоит ребром: быть театру или не быть. Тут уже не в здании, только дело — в атмосфере вокруг театра. В отношении к музыкальному искусству со стороны руководящих культурной органов республики. В их непонятном безразличии к судьбе культурных тради-

Валерий КИЧИН,
спец. корр. «Недели»

секций, нет камерных ансамблей, нет вокальных кружков, нет даже кружка филарфонистов — ничего нет, чтоб хотя бы сообщить желающим о том, что в мире существует серьезная музыка.

Хотя, казалось бы, ведь как повезло Дворцу профсоюзом: целый академический театр у них заготовили, сколько же можно найти резервов для работы с культурной и массовой. Но нет, и тут театр в пассивном, в нахлебническом, всем мешает. Вот упали софиты, комиссия прекратила спектакли — и словно гора с плеч.

Для человека потребность общаться с искусством начинается со школьной скамьи. Сумеют ли педагоги внедрить в сознание своих учеников эту потребность? Вопрос из самых важных. Но как же статус они ее внедрят, если даже преподаватели Института искусства, как мы сказали, в театре редчайшие гости. Не говоря уж о студентах. Общеобразовательные школы театр из числа «учебных пособий» исключили, по-видимому, единодушно. Мол, век телевидения. А там только волею выбора, что душе угодно. Удивительно ли, если подросток предпочтет оперной трансляции все ту же азорбику, выладевающую умины там, как ни Толстому, ни Чайковскому и не слышало.

И еще мы сказали в театре, что давно, очень давно не видели на спектаклях представителей Министерства культуры республики. Станки срезают, ремонт закончит обещают, но вот что со своими глазами убедиться, что могут с театром сделать три бездомных года, — это ниш. «Мы приняли бы от министерства лояльную критику», — сказал мне главный дирижер театра и секретарь его партгоркома Азизназод Минаматов. — Трубить, ругаться, помогать! Но ведь просто не обращают внимания! Слово и впрямь

ций, завоеванных трудом многих поколений таджикского советского искусства. Ведь театр — как живописный лес: погубить легко простой неосторожностью, но для восстановления понадобятся многие годы. Уже сейчас для пополнения труппы нужны экстренные меры. Нужны, в частности, кхатыри, которые театру выделяются очень неохотно. А главное — нужно думать о воспитании национальных кадров. Прошли уже десятилетия с той поры, как плеяда талантливых таджикских юношей и девушек вышла из стен Вагжановского училища в Ленинграде и начала свой блистательный путь на сцене. Сейчас, увы, многие танцуют в других театрах. Но о том, чтобы отобрать новых счастливицев и послать учиться, идут только разговоры. Да и что тут может сделать театр в одиночку, без поддержки.

А пока молодежи Душанбе спешит во Дворец профсоюзом на призывные звуки хриплого магнитофона. В гулком фойе подростки старательно прыгают под механический ритм «диско», и на лицах у них написано сознание важности момента: они приближаются к мировой славе, которая на сегодняшний день успешно вытесняет из молодых умов понятие о мировой культуре, — а ведь в ней тоже не грех бы приблизиться.

Но что спросить с молодых, если даже в местной молодежной газете нет отдела культуры и искусства. Если не отыщешь на улицах афиш с текущим театральным репертуаром, и вот уже три года, как застыл печальным памятником бывшей славы театр, что за рестораном «Вахш».

Редакция предполагает продолжить разговор о проблеме, связанной с культурной жизнью больших и малых городов страны. Разумеется, этот разговор может стать полезным лишь при активном участии читателей. Поэтому наша просьба ко всем, кто любит театр, музыку, кого волнуют те или иные тенденции в духовном развитии молодежи: напишите нам, поделитесь своими суждениями, наблюдениями, тревогами и радостями, расскажите о событиях культурной жизни, которыми стоило бы, на наш взгляд, заинтересоваться «Неделе».

Ждем также ответов от лиц и организаций, имеющих отношение к проблеме, поднятой в сегодняшней статье. Проблема, подчеркиваем, отнюдь не местного значения.